

книге Е.В. Падучевой, чрезвычайно перспективны и могут быть применены не только к исследованию художественных текстов, но также к анализу текстов других видов и жанров, например официально-деловых текстов с их установкой на то, чтобы максимально отделаться от субъективности в языке (что полностью сделать все-таки невозможно), и научных текстов, где принципиальная субъективность в одних аспектах причудливо сочетается со столь же принципиальной объективностью в других; и, в частности, обзоров и рецензий, с той же проблемой передачи чужого слова и сознания и совмещения в одном тексте пластов, не всегда, как и в художественных произведениях, четко разграниченных, принадлежащих разным субъектам, один из которых – автор рецензии – по-своему преломляет все то, что есть в книге, субъектив-

но, произвольно и непроизвольно, фокусирует внимание на интересующих лично его моментах, может быть, не всегда верно интерпретируя и даже искажая то, что на самом деле имел в виду автор оригинальной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. 1983 – Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Бенвенист Э. 1974 – О субъективности в языке // Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974.
- Ревзина О.Г. 1998 – Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дисс. докт. филол. наук (в форме научного доклада). М., 1998.

И.Б. Шатуновский

Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. М.: "Русские словари", 1997. 572 с.

Издательство "Русские словари" выпустило на материале текстов XIX века два любопытных словаря: рецензируемый справочник и словарь В.С. Елистратова "Язык старой Москвы" (М., 1997). Несколько ранее вышли из печати словари Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской "Школьный словарь устаревших слов русского языка" (М., 1996) и В.П. Сомова "Словарь редких и забытых слов" (М., 1996). И эти два словаря сделаны преимущественно на материале текстов XIX века. Определившаяся тенденция не случайна: язык XIX века, представлявший всегда известный, "современным" для нас, таит в себе много непознанного, лексический состав этой эпохи никогда не представлялся как нечто единое и отличное от лексики нашего века.

В целом же состояние русской лексикографии сегодня – это естественная реакция на жесткий нормативизм основных словарей русского языка предшествующих десятилетий, требовавший отвержения всего ненормативного, редкого, периферийного, специфичного, индивидуального и т.д. Идея "языкового расширения" (по удачному выражению А. Солженицына) может реализовываться в обращении к жаргонам, к городскому просторечию и другим сферам стихии разговорной речи, что весьма интенсивно и проявляется в современной издательской

практике. Но, с другой стороны, та же идея может реализовываться в отборе лексики из книжно-письменных источников, в внимательном прочтении классических текстов русской литературы. Справочник "Редкие слова..." относится ко второму ряду лексикографических воплощений "языкового расширения".

В то же время справочник "Редкие слова..." имеет одно существенное отличие от трех других словарей, выполненных на материале текстов прошлого века. Если труды В.П. Сомова, В.С. Елистратова, Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской претендуют на некоторую законченность в отборе слов и окончательность в толковании, в исторической и стилистической классификации лексем, то "Редкие слова..." изначально строится как вспомогательная словарная разработка, необходимая для осмысления изменений, происходящих в лексическом составе русского языка, в отдельных группах слов, в истории отдельных слов.

Рецензируемый справочник был заявлен еще в 1982 году в статье Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 1982]. Между оформлением замысла и результатом – 15 лет, но существенных изменений в определении задач, или "причин" необходимости словаря, по словам ответственного редактора, не произошло. Представленный материал может

быть использован 1) для комментирования текстов русской классической литературы; 2) для пополнения словарей современного русского языка; 3) для создания дифференциального словаря языка XIX века; 4) для отграничения узуального употребления от индивидуально-авторского.

Нужно сказать, что первое предназначение не может быть исполнено в полной мере, так как основной лексический материал в комментариях к классическим текстам – историзмы и архаизмы, в большей части отраженные в словарях XX века. Между тем главным критерием для отбора слов в справочнике было неотражение в словарях XX века (по данным [СССРЛ]). То, что представление историзмов и архаизмов в текстах XIX века, – особая задача, требующая других критериев отбора лексики и других способов описания ее, Р.П. Рогожникова демонстрирует в уже упомянутом словаре, составленном ею в соавторстве с Т.С. Карской. Естественно, что в нем даны такие слова, как *гусар*, *кухмистерская*, *вице-губернатор*, *витязь*, *бурса*, *вириши*, *дщерь* и т.д. Все слова подобного рода не могли, согласно главному критерию отбора, попасть в справочник "Редкие слова..."

Небезынтересны совпадения и размежевания двух словарей. Совпадающих лексем немного, например, на буквы А–Б–В можно отметить: *аггел*, *архистратиг*, *балаганство*, *басурманить*, *белоярое* (пшено), *блудно*, *бунтарь*, *вахлачок*, *воксал*, *волюшка* (лента), *воскрылие*, *впоперечь*, *высокостепенство*. Чаще всего наблюдается такое соотношение представленности лексем – исходный историзм или архаизм дан в "Школьном словаре...", а производный от него или более редкий однокорневой дан в справочнике "Редкие слова...": *бригадир* (чин в царской армии) – *бригадиров*, *бонопартист* – *бонопартистка*, *бунт* – *бунтовство*, *вассал* – *вассалка*, *вице-губернатор* – *вице-губернаторша*, *градоправитель* – *градоправительница*, *ваххический* – *ваххов*, *высокоблагородие* – *высокоблагородный*, *глашатай* – *глашать*, *галантерейный* (тонкий, светский) – *галантерный* и т.д. Из этого следует, что справочник "Редкие слова..." дает дополнительный материал для лексикона, направленного на комментирование классических текстов, но сам выполнять эту задачу, заявленную в качестве первой, не может в силу своего устройства. Вовлечение историзмов, которых нельзя было бы понять через другие историзмы, уже представленные в словарях, соверша-

ется в единичных случаях. Например, *кремортар* (мочегонное и слабительное средство) из романа Л. Толстого "Война и мир"; слово не отражено ни в словаре В.П. Сомова, ни в "Школьном словаре..." Р.П. Рогожниковой и Т.С. Карской, ни тем более в основных словарях XX века, т.е. является во всех отношениях редкостью.

Следовательно, главное назначение справочника "Редкие слова..." быть посредником между словарями современного языка, будущим словарем XIX века и авторскими словарями. Композиционно справочник состоит из трех частей. В первой, главной, части лексемы сначала даются как в обычных толковых словарях (грамматические характеристики, толкования значений, иллюстративные примеры), затем словарная статья снабжается справочным аппаратом о количестве употреблений в текстах-источниках, об отражении в словарях и Большой картотеке словарного отдела, иногда даются предположения об этимологии слова, в тех случаях, когда составители уверены в окказиональности авторского слова, дается соответствующая характеристика ("новообразование Л. Толстого", "новообразование А.С. Пушкина"), в конце словарной статьи могут содержаться пояснения энциклопедического характера, как, например, в статьях *переславльский* и *полсаженки*.

Вторая часть – "Слова с неполным описанием". В ней отсутствуют грамматические характеристики и, как правило, толкования значений, сохраняются иллюстративные контексты и справки об употребительности и отражении в словарях и картотеке. В этот раздел включены преимущественно такие типы слов, которые традиционно не представляются в толковых словарях или представляются весьма ограниченно: адъективные сложения, слова с суффиксами субъективной оценки, сложения с основами числительных, образования с *полу-* (*пол-*), с *не-*, а также звукоподражательные междометия и фонетические варианты произношения, отраженные в орфографии слов.

Последняя часть – "Общий список слов", облегчающий для пользователя поиск лексем.

Справочник не дает окончательного решения проблемы в отграничении узуального от индивидуально-авторского, не дает исчерпывающий материал для понимания истории слова, но в значительной мере способствует этому, наталкивает на решения, соответствующие языковой реальности в первом приближении. Для наглядности

рассмотрим гипотезу Л.А. Булаховского, высказанную им в своей книге "Русский литературный язык первой половины XIX века..." [Булаховский 1957]. Л.А. Булаховский писал свой труд в 30-е годы, поэтому опирался только на свою языковую компетенцию и интуицию исследователя. Говоря о выделении Ф.Е. Коршем неологизмов у А. Пушкина, Л.А. Булаховский выражает сомнения по этому поводу и уверенность в том, что если даже некоторые слова и являются неологизмами, то "естественными, стоящими на широких путях словообразования" [Булаховский 1957: 338]. Речь идет о следующих словах: *бесстыдность, разнота, приютный, спокойность, уверчивость*. Первые три попали в БАС, при этом *разнота* и *приютный* снабжены пометой *устар.*, а *бесстыдность* – без пометы, хотя одинаковая отнесенность к языку XIX века показывается отражением в словарях XVIII–XIX вв. и отсутствием иллюстративных контекстов XX в. Все три слова, естественно, не отражены в справочнике "Редкие слова...", в нем фиксируются *спокойность* и *уверчивость*. В словарной статье *спокойность* нет других контекстов, кроме пушкинского, но есть отражение в Слов. Акад. 1847 г. и Словаре Даля. Хотя и не исключено, что эти словари представили *спокойность*, опираясь только на авторитетный пушкинский контекст, все же вероятнее то, что они отражают узуальные лексемы, поэтому *спокойность* следует при-соединить к первым трем словам. *Уверчивость* (в значении "убедительность, свойство внушать доверие к себе") не фиксируется нигде, кроме пушкинского контекста, поэтому с большой долей вероятности можно говорить о пушкинском неологизме. В справочнике нет такой квалификации, но в данном типе словаря ее не следовало бы использовать и в тех случаях, когда составители были стопроцентно уверены в ней. Итак, Ф.Е. Корш оказался прав в характеристике одного слова из пяти, в других четырех случаях он принял за пушкинские неологизмы редкоупотребительные узуальные лексемы первой половины XIX века, которые архаизировались уже к концу столетия.

Справочник "Редкие слова..." убедительно аргументирует случайность выпадения многих лексем из словарей XX века. Например, *пьянь* фиксируется в собирательном значении у Н. Некрасова: «Пил-ел, с попом беседовал, Я слышала, как шепотом Поп плакался ему: "У нас народ все голь да

пьянь"». Безусловна непрерывная традиция употребления фразеологических оборотов *голь да пьянь, пьянь да рвань (рвань и пьянь)*. В справочной части словарной статьи указывается на 16 случаев употребления, отраженных в Большой картотеке (авторы XX века). Справедливости ради, нужно сказать, что *пьянь* включается в последние издания "Словаря русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а в серии "Новое в русской лексике" отмечается новое значение слова 'пьянка'. Отсутствие указаний на словари XVIII века и первой половины XIX века, а также на контексты этой эпохи заставляет предполагать, что слово *пьянь* стало достоянием книжно-письменной речи во второй половине XIX века и имело с той поры непрерывную традицию употребления.

Безлюдство дается в справочнике по контексту из "Евгения Онегина" А.С. Пушкина, но Большая картотека фиксирует четыре употребления у разных авторов XIX–XX веков. Дано указание и на отражение в словарях: СРЯ XI–XVII вв., СРЯ XVIII в., Слов. Акад. 1847, Слов. Даля. Следовательно, *безлюдство* как синоним к *безлюдье* на протяжении длительного времени сохраняется в качестве редкоупотребляемого слова литературного языка. Справочник убедительно документирует и архаичность по отношению к языку нашего времени большой группы слов: *басурманить, баронша, безженный, безнадежье, аспидов, афедрон, безмолвствие, бесплемянный, беспорочно, бритоус, бурдастый, быстроокый* и т.д. Особый интерес представляют словарные статьи на окказиональные авторские лексемы, которые распадаются на две группы: у одних, одноразовость и привязанность к авторскому контексту аргументируется в справочной части, у других, (типа пушкинских слов *широкошумный, тяжело-звонкий*) показывается их внедрение в общелитературный узус. Во второй группе авторских слов особо важны неяркие, близкие к стандартным лексемы. Отсутствие систематизированных сведений о таких словах позволяло трактовать их различно. Так, *шафранно-желтый* определялось как образование М. Шолохова (Е.Т. Черкасова), Н. Матвеевой (М.А. Бакина), как одноразовый неологизм 80-х годов нашего века (НРЛ-84). В справочнике "Редкие слова..." *шафранно-желтый* дается по контексту "Войны и мира" Л. Толстого (но встречается у Л. Толстого и в других произведениях), отмечается в Большой картотеке у четырех

авторов нашего века. Хотя у сложения может быть предыстория, но безусловно, что употребление его инициировано Л. Толстым, и под его влиянием оно перешло в разряд редких узуальных слов. Данный тип словаря хорошо показывает воздействие классических текстов русской литературы на общелитературную речь.

Систематизированная информация об отдельных словах является достоинством справочника "Редкие слова...", хотя материалов для суждений об отдельных лексемах в известном смысле всегда недостаточно. Например, толстовский эпитет *странно-равнодушные лица* фиксируется как единичное изолированное употребление в "Войне и мире", но он, как и многие психологические эпитеты Л. Толстого, распространяется в последующем в литературной речи: *странно-равнодушный* голос, звук, *-ое* движение (Ф. Сологуб), *-ый* он (К. Чуковский), *-ый* отец, *-ая* толпа, *-ые* окружающие (Ю. Нагибин), *-ый* юноша (ЛГ-1988).

Справочник "Редкие слова..." имеет ряд недостатков и несовершенств. В первую очередь хотелось бы затронуть те, что связаны с инструментальным, посредническим назначением словаря. Сведения об употребительности лексемы в словарях и словоуказателях-источниках, а также в Большой картотеке словарного отдела не всегда приводятся в полном виде. Например, *градоначальствование* зафиксировано в источниках 7 раз, 3 из них даны в примерах из "Истории одного города" М. Салтыкова-Щедрина. Кому принадлежит остальные 4 употребления? Можно предполагать, что тому же М. Салтыкову-Щедрину, но точный ответ на этот вопрос в словарной статье не содержится. Между тем это существенно для квалификации слова: то ли оно имело распространение в речи, то ли является окказиональным авторским. Если составители полагают, что перечень авторов словоупотреблений по данным Большой картотеки чересчур длинен, то сокращают его — "и др.", но ведь речь идет о редких словах, справка о них желательна исчерпывающая.

Указания на авторов словоупотреблений в Большой картотеке оказываются недостаточно информативны, если авторы малоизвестны (Сенин, Кукушкин, Костылев, Жилин и т.д.) и если за одной фамилией может скрываться несколько писателей, живших в разное время, отличавшихся разными жанровыми пристрастиями (Алексеев, Никитин, Максимов, Леонов, Чуковский и др.): инициалы, как правило, отсутствуют. Этот недостаток может быть преодолен

разными способами, важно, чтобы пользователю словаря была ясна временная прикрасленность словоупотребления.

Информативна справка об отражении лексемы в словарях XVIII–XIX вв. и в современных исторических словарях. Но сведения об истории слов, представляемые по данным СРЯ XI–XVII вв. и СРЯ XVIII в., обрываются на тех буквах, на которых остановилось издание этих словарей. Поэтому предыстория слов плохо представлена во второй половине справочника. Например, *черноогненный* дано по контексту Н. Некрасова (*черноогненная* дева), затем приведен пример из И. Лажечникова, в другом значении и сочетании (*черноогненные* глаза), два других употребления, имеющиеся в Большой картотеке, остались анонимными (и др.). Но для истории слова существенны два употребления в поэзии Г. Державина, описанные среди прочих державинских новообразований З.М. Петровой. Не исключено, что в XIX в. слово воспринималось именно как "державинское". Незаслуженное преимущество слов на Б перед словами на Ч в представлении исторической справки могло бы быть устранено отражением сведений из картотек этих двух незавершенных исторических словарей.

Полезно было бы показать и отражение слов в серии "Новое в русской лексике". Казалось бы, разные эпохи и разные направленности справочников должны были исключить переклички, но тем не менее они имеют место. Один и тот же критерий в отборе лексем — невключение в основные словари XX века — объединил эти справочники, что дает любопытную информацию. Предполагаемые неологизмы и редкие слова, подозреваемые в архаичности, нередко оказываются одними и теми же лексемами: *коричнево-желтый* (Н. Гоголь — НРЛ-85), *лилово-огненный* (Н. Гоголь — НРЛ-84), *темно-румяный* (А. Пушкин — НРЛ-82), *шафранно-желтый* (Л. Толстой — НРЛ-84), *взволнованно-напряженный* (Л. Толстой — НРЛ-86), *высокоученый* (В. Белинский — НРЛ-87), *желтосмулый* (А. Пушкин — НРЛ-82), *тяжело-звонкий* (А. Пушкин — НРЛ-82) и др.

Критика в адрес справочника "Редкие слова..." была связана с ошибками в представлении слов и в толкованиях значений. *Тритор* (вместо *тритон*) из стихотворения К. Батюшкова — мифическое явление, словарный "подпоручик Киж". Толкование лексемы *эрский* из статьи К. Батюшкова "Нечто о поэте и поэзии" как "живущий на

берегах реки Эры до Франции', находится в явном противоречии со смыслом текста-источника. Все отдельные ошибки такого рода обнаруживают главную причину, порождающую их. Индивидуальные и редкие слова требуют элементов текстологического анализа и филологической интерпретации текста от составителей словарных статей, т.е. того, что необходимо при составлении объяснительных авторских словарей, — "критики текста", по выражению Г.О. Винокура. В идеале объяснительные авторские словари должны предшествовать такому справочнику, как "Редкие слова...", но достичь этого идеала при современном состоянии авторской лексикографии невозможно, в распоряжении составителей был лишь один объяснительный словарь — "Словарь языка Пушкина", все прочие источники — словоуказатели к произведениям, изданные, рукописные, машинные, и частотные словари. Избегать филологической интерпретации текстов-источников нельзя, так как это порождает разнообразные неточности в словарных статьях.

Четверостишие из известного стихотворения Ф. Тютчева "Вчера, в мечтах обвороченных..." дало три лексемы для справочника: Вот *тихоструйно*, *тихоейно*, Как ветерком занесено, *Дымно-легко*, *мглисто-лилейно*. Вдруг что-то порхнуло в окно. *Тихоструйно* — в основной части словаря, *дымно-легко* и *мглисто-лилейно* — в разделе "Слова с неполным описанием", *тихоейно* не фиксируется, так как отражено в БАС. По заголовочным формам *тихоструйно* и *дымно-легко* трактуются как наречия, а *мглисто-лилейно* — как краткая форма прилагательного *мглисто-лилейный*. Косвенной причиной такого решения может быть то, что на *мглисто-лилейный* приведен контекст с запятой после *мглисто-лилейно*, а на *тихоструйно* и *дымно-легко* — без запятой. Очевидно, существуют разные текстологические решения пунктуации стихотворения, восходящие к разным редакциям. Это можно видеть в разных изданиях Ф. Тютчева, например, в одном [Ф.И. Тютчев. Стихотворения. Письма (М., Гослитиздат, 1957, с. 126)] — с запятой, в другом [Ф.И. Тютчев. Избранное (М., Московский рабочий, 1985, с. 80)] — без запятой. Недостатком является, конечно, уже то, что один и тот же контекст для разных лексем дается в разных редакциях и словарные статьи не связаны друг с другом. Абстрактно возможное решение применительно к контексту с запятой: *мглисто-лилейно* — крат-

кая форма прилагательного и обособление к "что-то". Это хотя и несколько экзотическая, интерпретация отчасти может быть оправдана прихотливостью и своеобразием языка Ф. Тютчева. Но интенция смысла в четверостишии не оставляет сомнения в том, что при любой пунктуации это ряд наречий, примыкающих к глаголу *порхнуло*. Запятая лишь преобразует этот ряд в градацию уточнений по отношению к первому наречию *тихоструйно*.

Определение исходных словарных форм существенно не только с точки зрения лексикографической, но и потому, что образования такого типа, как *мглисто-лилейно*, являются своеобразными знаками индивидуального языка. Применительно к адъективным сложениям заголовочная форма дается неточно и в некоторых других случаях: *пустынно-чистый* вместо *пустынно-чисто* (из Ф. Тютчева), *пустынно-хорошо* вм. *пустынно-хороший* (из Н. Гоголя), *мило-степенно* вм. *мило-степенный* (из Л. Толстого).

Вызывает сомнение включение в справочник и представление звукоподражательных междометий в одном ряду с обычными лексемами. Например, есть *rrrr*, которое дается по контекстам Л. Толстого и М. Салтыкова-Щедрина. В "Войне и мире" Л. Толстого — *aaaa!* и *rrrr!* представляют собой единый звуковой комплекс: так скандирование тысяч голосов на линии французских войск ("Vive l'empereur, vive l'empereur!") воспринимается на отдалении полусонным Николаем Ростовым. В справочнике этот звуковой комплекс разорван, и первая его часть (*aaaa!*) отсутствует. Составители пошли вслед за «Частотным словарем романа Л.Н. Толстого "Война и мир"» (Тула, 1978), где *rrrr* дается как особая единица, а *aaaa* присоединено ко всем прочим междометным *a* (63 употребления в романе) с значениями выражений различных эмоций. Между тем изображение средствами орфографии природного звука или звукового комплекса и сигнальное использование звука для выражения эмоции — это разные и не связанные между собой явления. Орфографичное и технологичное решение частотного словаря вряд ли приемлемо для справочника "Редкие слова...". Соединение осколка звучание из "Войны и мира" с *rrrr* из другого звукового комплекса (изображение "жужжания" совы у М. Салтыкова-Щедрина: *ва ... зз ... rrrrr*) делает еще более сомнительным такое лексикографирование природных звучаний. При этом М. Салтыков-Щедрин, человек

городской, писатель-сатирик, да еще в сатирической сказке, нисколько не изобочен правдоподобием в изображении природного звучания, он не изображает, а пародийно конструирует нечто, похожее на природный звуковой комплекс.

Такие звуковые комплексы приобретают смысл как отрезки речи в определенном контексте, но не становятся лексемами. Представление в словаре фонетических явлений, отражаемых в орфографии, имеет свою значимость, но выпадает из ряда обычных лексем, требует особых способов пояснения, иллюстрирования. Кроме междометных *тр*, *ууу*, *у-хм* и т.п., особого подхода требуют и стилистические варианты произношения лексем типа *еднорал* и *енарал*, взятые из "Словаря языка Пушкина". При описании индивидуального языка оправданно выделение в особые словарные статьи таких фонетических вариантов, за которыми стоит стилистический выбор автора. Если же следовать задачам, поставленным перед справочником "Редкие слова...", то это словарь лексем: он отталкивается от словарей лексем и является поставщиком материала для словарей лексем современного языка и языка XIX в.

Метод отбора словника не позволил представить достаточно широко редкие семемы. Такая словарная разработка на материале текстов XIX в. требует особого подхода, хотя и предполагается сама собой: "Редкие слова и значения" по аналогии с серией "Новое в русской лексике", где предметом описания стали "новые слова и значения".

Нет таких словарей, в которых бы нельзя было бы обнаружить несовершенства, ошибки, непоследовательности. Справочник "Редкие слова..." — во многих отношениях труд новаторский, взявший на себя выполнение нескольких задач, каждая из которых представляет собой трудноразрешимую лексикографическую проблему. Поэтому недочеты не затемняют главного — необходимости для русистики серии словарей такого типа. Хотелось бы надеяться на то, что рецензируемый труд действительно явится "первым опытом такого словаря" (с. 8). Несмотря на то что в справочнике отражены классические тексты, оказывавшие и продолжающие оказывать влияние на русскую литературную речь (А. Пушкин, М. Лермонтов, "Горе от ума" А. Грибоедова, басни И. Крылова, основные произведения Н. Гоголя, поэзия Ф. Тютчева, Н. Некрасова, "Война и мир" Л. Толстого, "История одного города" и сказки М. Салтыкова-Щед-

рина и др.), многое в литературе XIX в. требует такой же словарной разработки. И. Тургенев, Ф. Достоевский, А. Чехов пока представлены лишь одним произведением, желательны отражение и других, и не только художественных, произведений Л. Толстого; "знаковыми" авторами для литературной речи XIX в. являются В. Жуковский, А. Фет, А.К. Толстой, Ап. Григорьев. В то же время нельзя отвергать и авторов, мало читаемых ныне, но тексты которых были "на слуху" и в языковой памяти у людей прошлого века, таких, как В. Бенедиктов, С. Надсон, А. Писемский, П. Боборыкин, И. Горбунов. Огромный материк литературы XIX в. еще не имеет лингвистических описаний, а тем более — словарных разработок.

Необходимость справочников такого типа, как "Редкие слова...", в том, что они, несомненно, будут способствовать повышению культуры словарного дела в русистике и помогут представить развитие лексики русского языка во всем многообразии.

* * *

Спустя год, после многократного использования словаря, хотелось бы добавить к написанному следующее.

Редкие слова стали популярным объектом словарной коммерции. Налет легкомыслия, присущий коммерческим и зачастую любительским словарям, проник и в справочник под редакцией Р.П. Рогожниковой, и это вызвано, очевидно, совмещением двух несоединимых задач: быть словарем "для широкого круга" потребителей и быть словарем для лингвистов-русистов.

Обилие разнообразных ошибок и неточностей обусловило такую оценку справочника, как "бесполезный опус" [Пильщиков 1998: 13], из чего вытекает, что данный тип словаря не нужен вообще. Не нужен потому, что он стремится восполнить недостатки общих толковых словарей русского языка, неизменно ограниченно представляющих лексический состав русского языка. И если, например, в БАС, в новые издания, будут включены редкие слова, то такой справочник действительно окажется "бесполезным". Но заранее ясно, что без предварительных словарных разработок включение такого своеобразного лексического материала приведет к тем же многочисленным ошибкам. Следовательно, такой тип словаря необходим.

Но нельзя не согласиться с другой оценкой — "незавершенностью" [Добродомов 1998: 84] словаря-справочника. Это проявля-

ется не только в том, что необходима проверка толкований, да и самих лексем, представленных в заголовках, сверка цитат, статистических данных и т.д. Справочник не является завершённым и в выполнении своей главной задачи – дать максимально полную и точную сумму сведений о каждом редком слове. В суммирование должны включаться не только сведения словарей и картотек (хотя и эта работа не завершена), но и результаты многочисленных очерков по истории слов, по истории поэтической лексики и фразеологии.

Редкие слова в текстах XIX века требуют такого же тщательного и неспешного труда, который свойствен академическим историческим словарям, выпускаемым в настоящее время. В связи с этим необходима подготовка выверенного, исправленного и дополненного второго издания рецензируемого справочника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17-и т. М., 1948–1965.
 Булаховский Л.А. 1957 – Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге. Киев, 1957.

Добродомов И.Г. 1998 – О словарях редких и устарелых слов // Проблемы русской лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13–15 октября 1998 г. Вологда, 1998.

ЛГ – Литературная газета.

НРЛ – Новое в русской лексике. Словарные материалы... М., 1980.

Пильщиков И.А.] 1998 – Жантельом, бель-фан и розовая ксандрейка // Пушкин. 1998. [М.], № 3(9) 1 июня.

Рогожникова Р.П. 1982 – Редкие слова в произведениях авторов XIX в. // ВЯ. 1982. № 1.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук: В 4-х ч., СПб., 1847.

Слов. Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866.

СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. Л., 1974.

СССРЛ – Сводный словарь современной русской лексики / Под ред. Р.П. Рогожниковой. Т. 1–2. М., 1991.

В.В. Краснянский

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. РАН Ин-т языкознания. М.: Наука, 1997. 799 с.

Вопросы древней лексики тюркских языков имеют большое значение не только для истории этих языков, но и для дальнейшей разработки общеизвестной гипотезы о генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских (а вероятно также и некоторых других) языков. Насущная потребность в углублении исследований самого древнего лексического состава тюркских языков осознана как неотложная задача также в России, где в последние годы снова расцветает историческая компаративистика. В этой связи с большим интересом и удовлетворением воспринимаем выход из печати четвертого тома "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков", носящего подзаголовок "Лексика" (1997). Предыдущие тома этого внушительного труда это: Фонетика (1984), Синтаксис (1986) и Морфология (1988).

"Лексика" представляет собой простран- ный, насчитывающий 800 страниц том, напи-

санный авторским коллективом тюркологов, в состав которого вошли: Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин, Л.С. Левитская, О.А. Мудрак, К.М. Мусаев и Э.Р. Тенишев. Ответственным редактором труда является чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. Редактор тома – Е.А. Поцелуевский. Большинство упомянутых авторов выступает одновременно и в роли "Редакционной коллегии". Рецензентами тома были Э.А. Грунина и Д.М. Насилов.

Как и предыдущие тома, "Лексика" осуществлена в основном силами тюркологов Сектора тюркских языков (ныне Отдел урало-алтайских языков) Института языкознания РАН. Этот факт заслуживает особого внимания, так как в вышеупомянутом Отделе одновременно продолжается работа по изданию "Этимологического словаря тюркских языков" под редакцией Э.В. Севортяна (1901–1978) и Л.С. Левитской (5 томов: М., 1974, 1978, 1980, 1989, 1997).